

психолога, предоставляя тем самым возможность для более глубокой интерпретации данных и проведения дополнительных исследований при необходимости.

Сегодня недостаток внимания к проблемам разработки и использования информационных и компьютерных технологий в психологии может повлечь за собой ряд негативных последствий, а современное психологическое исследование сложно представить без использования компьютерных технологий. Однако к их использованию необходимо подходить вдумчиво и при возможности для повышения объективности результата дополнять такими эмпирическими методами, как наблюдение, беседа, эксперимент и др. Более того, необходимо всегда помнить, что психологическая практика – это, в первую очередь, общение между психологом и клиентом.

Список использованных источников

1. Бьюль, А. SPSS: Искусство обработки информации / А. Бьюль, П. Цёфель. – М., 2002.
2. Гласс, Дж. Статистические методы в педагогике и психологии [Текст] / Дж. Гласс, Дж. Стенли. – М., 1976. – 494 с.
3. Дюк, В. А. Компьютерная психодиагностика / В. А. Дюк. – СПб.: Питер, 1994.
4. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования: Анализ и интерпретация данных [Текст]: учебное пособие / А. Д. Наследов. – 3-е изд., стереотип. – СПб.: Речь, 2007. – 392 с.
5. Немов, Р. С. Психология. В 3 книгах. Книга 3. Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики / Р. С. Немов. – М.: Владос, 2016. – 640 с.
6. Раскин, В. Н. Обработка данных психологических и социальных исследований на компьютере (с использованием программы SPSS) [Текст]: учебное пособие / В. Н. Раскин. – СПб.: Питер, 2005. – 59 с.

УДК 80; 008

ПРОБЛЕМА ТРЕТЬЕГО ЭЛЕМЕНТА В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Уткевич О.И., к.фил.н., доц.

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. В статье рассматривается проблема взаимосвязи субъектов межкультурного диалога. Показывается, что подлинный диалог возможен только лишь как тринарный процесс, где интегративную функцию выполняет язык, который теснейшим образом взаимосвязан с таким феноменом человеческого бытия, как культура. Критерием успешности межкультурного диалога является умение таким образом включить свое феноменологическое «я» в язык, чтобы оно в процессе речевого взаимодействия представителей разных культур было адекватно мультиплицировано на другие субъекты диалога и способствовало возникновению взаимопонимания на уровне языковой картины мира.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, культура, мультипликация, язык.

Предварительно необходимо отметить, что диалоговое пространство обычно воспринимается в качестве некоторого социально-энергетического поля, в которое погружены два элемента процесса коммуникации. В качестве таких элементов могут выступать как отдельные человеческие индивиды, так и целые социальные общности. Причем оба элемента в данном случае одновременно исполняют роль как субъекта, так и объекта коммуникации. Такое положение является отражением феномена противоречивости, антиномичности всякого диалога. Конечно, речь в данном случае идет не о формально-логическом, а о диалектическом противоречии. Именно благодаря этому субъекты коммуникационного процесса могут изначально не стремиться к тому, чтобы их диалог носил как можно более непротиворечивый характер. Дело в том, что данное стремление приведет скорее к содержательной неполноценности диалога, к его неподлинности. Возникающие противоречия в данном случае необходимо разрешать диалектическим способом (то есть путем их снятия) в практической коммуникационной

деятельности.

Снятие антиномичности происходит именно благодаря тому, что полноценный диалог – это не бинарный, а тринарный процесс. Известнейший мыслитель прошлого столетия, философ и культуролог М. М. Бахтин, указывал на то, что всякий диалог может реально существовать только лишь в слове, а любое «слово – это драма, в которой участвуют три персонажа» [1, с. 301]. Следовательно, он вводит в диалоговое пространство помимо субъекта и объекта понятие о некоем «третьем». «Каждый диалог, – продолжает Бахтин свою мысль, – происходит как бы на фоне ответного понимания незримого присутствия третьего, стоящего за всеми участниками диалога. Указанный третий вовсе не является чем-то мистическим или метафизическим (хотя при определенном миропонимании и может получить подобное выражение) – это конструктивный момент целого высказывания, который при более глубоком анализе может быть в нем обнаружен» [1, с. 305].

Конечно, в рамках различных мировоззренческих парадигм этот третий элемент принимает различные семантические значения. В качестве третьего элемента диалога может пониматься сама тема, конкретно-исторический фон, хронотоп диалогического действия и т. д. Однако при всем их различии, он всегда теснейшим образом взаимосвязан с таким феноменом человеческого бытия, как культура. Можно предположить, что третий элемент диалога – это, в первую очередь (говоря словами Бахтина), такой «конструктивный момент целого высказывания», который представляет собой не что иное, как язык. Отметим, что в настоящее время существуют множество концепций, в рамках которых объясняется генезис и сущность языка, но наибольшее распространение получили две: конвенциональная и онтологическая. Анализируя первую, американский философ и логик XX века Д. Дэвидсон пришел к выводу о том, что конвенция не может являться необходимым условием существования языка. «Поэтому я считаю, – писал он, в работе «Общение и конвенциональность» – что философы, рассматривающие конвенцию как необходимый элемент языка, ставят все с ног на голову: на самом деле язык есть условие для выработки конвенций» [3, с. 233]. Можно полностью согласиться с вышеприведенной точкой зрения. Конечно, вообще без конвенций язык существовать не может, но они носят только лишь второстепенный вспомогательный характер. Но определяющим, ведущим началом в языке всегда является его онтологическая сущность. Таким образом, в дальнейшем в своем исследовании мы будем опираться на онтологическую концепцию, в рамках которой считается, что слово и обозначаемый им объект находится в неразрывном единстве, а, следовательно, разрушение такого единства, выражающееся в неадекватном употреблении слов, может привести не только к негативным изменениям в человеческом сознании, которые будут выражаться в первую очередь в невозможности познания сущности самих объектов, но также к последующему их исчезновению. Как это может практически проявляться, прекрасно показал английский писатель прошлого столетия Дж. Оруэлл в своем знаменитом романе-антиутопии «1984».

Особенно важна роль языка как третьего в рамках именно межкультурного диалога. Все дело в том, что любая культура представляет собой не только первоначальное изменение, но также и дальнейшее присваивание человеком измененной реальности. Причем данный процесс присвоения носит принципиально языковой характер. Таким образом, культуры различных народов могут отличаться друг от друга уже в силу языковых различий между ними. Понятие «языковая картина мира» впервые было сформулировано и исследовано в рамках немецкой филологической традиции (И. Гердер, В. фон Гумбольдт), затем было продолжено американской этнолингвистикой, что нашло отражение в теории языковой относительности Сепира-Уорфа. Языковая картина мира – это, во-первых, особая метафизическая реальность, а, во-вторых, часть общей культурной картины мира человека, тесно связанная с его аксиологической системой, морально-нравственными установками. Следовательно, в процессе межкультурного диалога люди, благодаря языковой, вербальной коммуникации одновременно в некоторой степени являются как субъектом, так и объектом окультуривания, то есть в этой своей бинарной субъект-объектной сущности они не только присваивают носителей другой культуры, но одновременно и присваиваются ими.

Обладание языком, речь являются отличительными сущностными чертами человека как такового. Способностью передавать информацию обладают и животные, способны вести диалог – исключительно люди. Однако, в первую очередь, они лишь оказываются «погруженными» в окружающую их внешнюю среду. Для человека существовать в этом мире – означает не что иное, как обладать им. «Иметь мир, – подчеркивал немецкий философ прошлого столетия Х.-Г. Гадамер в работе «Истина и метод», – значит иметь

отношение к миру. Но отношение к миру требует такой свободы от того, что встречается нам в мире, которая бы позволяла бы нам ставить это встречающееся перед собой таким, каково оно есть. Эта возможность представления означает одновременно обладания миром и обладания языком. Понятие *мира* (Welt) оказывается таким образом противоположным понятию *окружающего мира* (Umwelt), которым обладают все живущие в мире существа» [2, с. 513].

В связи с этим необходимо еще раз подчеркнуть, что обладание миром носит принципиально языковой характер. Это известно с древнейших времен. Достаточно вспомнить, что, согласно Библии, человек получает от Бога власть над другими живыми земными существами только лишь после того, как наделяет каждого из них именем. «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт.2:19). Более того, у многих народов существуют легенды и мифы о том, что для получения власти над другими людьми человеку достаточно всего лишь узнать их подлинные имена. Именно поэтому у многих народов традиционно ребенку для защиты от дурного влияния и нарекают несколько собственных имен.

С другой стороны, согласно такому подходу, власть над миром не распространяется на сам язык, так как не человек владеет языком, а именно язык владеет человеком. В первую очередь это достигается путем детерминации мышления (безусловно, данное утверждение находится в контексте онтологической точки зрения на генезис и сущность языка). Так, например, хорошо известно, что утрата определенными народами своего родного языка (а, соответственно, и переход в общении на другой язык) с течением временем приводит к коренным изменениям в мышлении. Более того, этнологи выяснили, что существует корреляционная взаимосвязь между вымиранием народов и ослаблением феноменологического проявления их языковой зависимости. В связи с этим становится понятным, почему исчезновение некоторых индейских племен Южной Америки многие антропологи и этнолингвисты объясняют катастрофическим изменением их поведенческого менталитета: их ослабевающая воля к жизни, социальная абулия нашла свое выражение в их языке. «Сама способность говорить, – отмечал в этой связи немецкий философ XVIII–XIX столетий Ф. В. Й. Шеллинг, – кажется, близка у них к тому, чтобы исчерпаться и затухнуть. Их голоса, не сильные, не звучные, раздаются тихо; они никогда не кричат – не кричат даже тогда, когда их убивают. Разговаривая, они еле шевелят губами и не привлекают внимания к речи движением глаз. К этому безразличию добавляется еще и нежелание говорить: если им нужен человек, который идет за сто шагов от них, они никогда не окликнут его, им легче догнать его» [4, с. 255].

Итак, степень эффективности диалога во многом детерминирована тем, в какой степени его субъект и объект с помощью языковых средств сумели создать единую органическую целостность. Таким образом, слова в акте коммуникативного взаимодействия должны являться не только оперативным средством этого взаимодействия, или внешним герменевтическим фоном общения, но в первую очередь они должны представлять собой онтологическую основу всякого подлинного коммуникативного процесса. Вот почему настоящее общение требует наличия изначального доверия к языку. С другой стороны, люди издавна обратили внимание на все несовершенство произнесенных человеческих слов. Это нашло свое адекватное отражение в следующей русской поговорке: «Слово – серебро, а молчание – золото», в известной фразе из стихотворения Ф. Тютчева «Silentium»: «Мысль изреченная есть ложь». Вот почему доверять можно, как и пишет Бахтин, лишь языку в целом. На наш взгляд, это доверие базируется на некоем, почти неосознанном ощущении того, что за всеми несовершенными человеческими словами стоит вечное и неизменное Слово, которое, к примеру, в христианском толковании само есть Бог. Именно такому слову человек готов доверять. Верно и точно сказано об этой силе слова в стихотворении Н. Гумилёва с одноименным названием:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

Многие великие писатели и поэты, описывая состояние творческого вдохновения, в унисон утверждают: в этот момент наивысшего эмоционального напряжения уже не они сами говорят и пишут, а животворящее Слово звучит в них, как бы диктует и подсказывает единственно верные сочетания.

Разные человеческие языки в значительной степени отличаются друг от друга. Таким образом, возникает вопрос о том, как люди могут доверять тому, что сказано на чужом для них наречии. На наш взгляд, в данном случае никакого принципиального отличия между доверием друг к другу собеседников, говорящих на одном и том же языке, и доверием собеседников, говорящим на разных языках, не существует. Конечно, возникают различные проблемы с адекватным переводом. Однако эти проблемы скорее носят чисто «технический» характер. Доверие же к языку как таковому обусловлено именно его онтологической природой.

В заключение необходимо отметить, что социо-онтологическая принадлежность человека, как субъекта определенной культуры, к какому-то конкретному языку позволяет ему в процессе межкультурного диалога мультиплицировать свое феноменологическое «я» на других людей, не принадлежащих к этой языковой системе. Однако в данном случае правомерно утверждать, что не столько сам человек умножает это «я» с помощью слов, а, в первую очередь, именно само слово, язык как целостное высказывание, осуществляет данный процесс. Следовательно, в свете вышесказанного, широко распространенная идея о том, что критерием успешности межкультурного диалога является знание норм языка и умелое их практическое применение, может быть дополнена. На наш взгляд, в качестве основного критерия должно выступать умение таким образом включить свое феноменологическое «я» в язык как третий элемент межкультурного диалога, чтобы оно в процессе речевого взаимодействия было бы адекватно мультиплицировано на другие субъекты коммуникативного взаимодействия. И в результате возникло верное толкование смыслов сказанного и понимание между субъектами диалога, как на уровне естественного языка, на уровне ситуации, так и на метауровне языковой картины мира.

Список использованных источников

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества // М. М. Бахтин. – Москва: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики // Х.-Г. Гадамер. Москва: Прогресс, 1986. – 704 с.
3. Дэвидсон, Д. Общественность и конвенциональность // Философия. Логика. Язык. – Москва, 1987. – С. 213–233.
4. Шеллинг, Ф. В. И. Введение в философию мифологии. Сочинения в двух томах. // Ф. В. И. Шеллинг. – Т. 2. – М., 1989. – С.159–374.

УДК 001:94(476)

ЯСТРЭМБСКІ М. Ф. – ВУЧОНЫ, ВЫНАХОДНІК, ЛІТАРАТАР

Хаданёнак В.М., к.г.н.

*Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь*

Рэферат. У артыкуле разглядаецца жыццёвы шлях і творчыя набыткі выбітнага беларускага вучонага М. Ф. Ястрэмбскага.

Ключавыя словы: практычная механіка, супраціўленне матэрыялаў, мостабудаванне, літаратурны талент.

Беларуская зямля шчодро адарыла свет сваімі вучонымі, якія дасягнулі выдатных поспехаў у розных галінах навукі. Мы па праву ганарымся вядомымі даследчыкамі і навукоўцамі: І. А. Еўнэвічам, Ж. Ф. Урублеўскім, А. І. Садоўскім, П. Я. Славінскім, М. В. Глушневічам, П. М. Пагарэльскім, А. Я. Красоўскім і многімі іншымі, якія шчыравалі на карысць нашай зямлі. Былі сярод іх і тыя, хто меў шматгранны талент і не трапіў у пастку вузкай спецыялізацыі, а займаўся даследваннямі і вынаходніцтвамі ў розных сферах, а таксама праяўляў сябе як вельмі неардынарная і творчая асоба. Адным з такіх людзей быў М. Ф. Ястрэмбскі.

Мікалай Феліксавіч Ястрэмбскі нарадзіўся 10 ліпеня 1808 г. у маёнтку Барысаўшчына Рэчыцкага павета Мінскай губерні [1, с. 53] ў сям'і межавога судзі. Пачатковую адукацыю і выхаванне хлопчык атрымаў дома. У 1830 г. ён з адзнакай скончыў фізіка-матэматычны